

БОРИС ОРЛОВ

Европейская социал-демократия в поиске новой идентичности

Опубликовано в 28.02.2010 Москва 02 2010 Свободная мысль

В ходе мирового экономического и финансового кризиса, помимо прочего, разрешался давний спор между сторонниками двух основных подходов. С одной стороны - неолибералами, выступавшими за преодоление существующих проблем сугубо рыночными методами, с другой - социал-демократами, исходившими из необходимости государственного регулирования рыночных процессов. Спор решился в пользу социал-демократов: государству пришлось спасти тонущую экономику и в главной цитадели неолиберализма Соединенных Штатах, и в странах Европы, где неолиберальные подходы перемежаются с государственным регулированием.

Казалось бы, в тяжелые минуты подтвердилась правота социал-демократов: "Мы же говорили, чем кончатся все эти неолиберальные игры!" Отсюда - рост ожидавшейся многими поддержки населением тех, кто предвидел возможные последствия нагрянувшего кризиса. Но не тут-то было. Кто еще вчера размахивал неолиберальными знаменами, ринулся к рычагам государственного регулирования, как бы не замечая, что заимствует методы у оппонентов, даже не извиняясь перед ними. И все это при поддержке значительной части населения.

Особенно наглядно это проявилось в Германии, где после выборов в бундестаг в 2005 году была создана Большая коалиция христианских демократов и социал-демократов. Весь последующий период, вплоть до новых выборов 2009 года, коалиция фактически проводила, особенно в период кризиса, социал-демократическую политику. При этом в руках социал-демократов сосредоточились "кошелек" (министерство финансов), портфель министра иностранных дел, ряд других министерских постов. В их пользу работал и личностный фактор. В предвыборной дуэли Ангелы Меркель и Франца Вальтера Штайнмайера симпатии телезрителей

были на стороне кандидата в канцлеры от социал-демократов. Но вот наступил месяц выборов - сентябрь. Он оказался "черным" для социал-демократов, ибо СДПГ собрала на них наименьшее за всю послевоенную историю число голосов избирателей - 23 процента.

Однако горечь поражения испытали не только германские социал-демократы. На выборах в Европейский парламент 4 июля 2009 года партии правой ориентации значительно опередили левых и в ряде других стран ЕС. Особенно пострадали английские лейбористы. Они получили всего 15, 3 процента - "ниже самых мрачных прогнозов пессимистов", как заметила Е. Ананьева(1). А ведь именно в период их одиннадцатилетнего пребывания у власти Великобритания успешно развивалась в экономическом отношении.

В чем же дело? У каждой из партий социал-демократического толка свои причины. Последние годы СДПГ, например, сотрясают внутривнутрипартийные кризисы. За короткий период сменились шесть председателей партии. Более того, один из председателей, О. Лафонтен, покинул свой пост и создал собственную партию, назвав ее Лево́й, на выборах в бундестаг в 2009 году прошедшую в парламент, преодолев 5-процентный барьер - в основном за счет бывших избирателей СДПГ.

Своеобразная ситуация сложилась в Лейбористской партии Великобритании. После 18 лет пребывания в оппозиции, преодолев господствовавший у значительной части населения "тэтчеристский" настрой, лейбористов привел к власти гибкий и дальновидный политик Т. Блэр. Проводившаяся его правительством политика стабилизировала экономическое положение страны. Великобритания повернулась лицом к Европе. Казалось бы, радоваться членам партии, что у нее такой опытный лидер. Однако со временем стали раздаваться голоса: мол, засиделся Тони в своем партийном кресле; слишком подыгрывает американцам. Возникли трения и с его заместителем Брауном. В результате Блэр ушел с поста председателя партии. А теперь вот раздаются голоса недовольства в адрес сменившего его Брауна.

Но внутривнутрипартийные проблемы - лишь надводная часть айсберга, именуемого социал-демократическим движением. Его значение,

вес, влияние, авторитет зависят от того, как движение представляет себе общественный процесс, чьи интересы отражает, каким видит будущее общества как такового, какие способы предлагает для решения возникающих проблем. Иными словами, каков образ современной социал-демократии в восприятии общества.

ТРУДНОСТИ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ возникли с начала становления социал-демократического движения. Объединяющим было стремление к установлению социальной справедливости. А различным - не всегда совпадающее понимание сущности этого требования - нравственное и социальное. Между ними не имелось четкого разделения, особенно в период значительного влияния марксизма, который раскрывал сущность капитализма, основанного на эксплуатации наемных работников путем присвоения их живого труда в виде прибавочной стоимости. Самым эффективным способом достижения социальной справедливости представлялись устранение капитализма и создание нового общественного строя - социализма, предусматривающего принципиально новые и, следовательно, нравственно обоснованные производственные отношения на базе обобществленных средств производства и отмены частной собственности. Тем более что согласно учению Маркса социализм должен был прийти на смену капитализму с исторической неизбежностью. Отсюда и социализм как цель социал-демократического движения, и название многих партий растущего социал-демократического движения в Европе.

Однако в Германии, где в основном разрабатывалась теоретическая платформа социал-демократического движения, не все и не сразу согласились с выводами Маркса. Известен спор между Лассалем, стоявшим у истоков первой организации социал-демократов - Всегерманского рабочего союза (1863), и Марксом. Известно и послание, направленное Марксом в адрес объединительного съезда в Готе в 1875 году, в котором организаторов съезда он отчитывал, как мальчишек за неправильное прочтение его трудов и нарисовал картину становления будущего коммунистического общества, состоящего из двух этапов - социалистического и непосредственно коммунистического. Это послание, получившее название "Критика

Готской программы", взяли на вооружение советские идеологи. Ну а сами организаторы съезда в Готе в 1875-м? Каким было их отношение к посланию Маркса? Они повертели его в руках, прочитали... и решили не знакомить с его содержанием делегатов съезда. Оно так и пролежало в архивах, пока Энгельс не настоял на его публикации уже в 1891 году, то есть спустя полтора десятилетия.

Между тем проблема раздвоенного отношения социал-демократов к своей идентичности нашла отражение и в программном документе съезда СДПГ, состоявшегося в 1891 году в Эрфурте. Правда, в основной части этой программы (ее составлял Каутский) был помещен отрывок из "Капитала" Маркса, в котором говорилось о неизбежности краха капиталистического строя. А вот во второй части, написанной Бернштейном, содержались требования конкретного характера в рамках существующего строя.

Эрфуртскую программу высоко оценили большевики как "последовательно марксистскую". Но внимательный читатель, ознакомившись с программой в целом, мог справедливо задаться вопросом: что делать социал-демократу - стремиться к уничтожению капитализма путем последовательной классовой борьбы или же действовать в рамках этого строя методом реформ? А тут еще Бернштейн позволил себе высказывание, ставшее публичным: "Движение - все, конечная цель - ничто", а затем изложил свою точку зрения в серии статей в социал-демократическом журнале "Neue Zeit" ("Новое время"), изданных затем отдельной книгой под названием "Предпосылки социализма и задачи социал-демократии".

Что тут поднялось! Бернштейна прорабатывали на специально созванном съезде. Приклеили ему кличку "ревизионист". Она потом гуляла и по советским пропагандистским изданиям. Хотя, что тут плохого? ! "Ревизионист" в переводе на русский - "пересмотрщик". Бернштейн мог сослаться и на Маркса, который в анкете, составленной одной из его дочерей, на вопрос "Ваш жизненный принцип?" ответил: "Все подвергать сомнению".

Но что значит иная партийная культура. Бернштейна за его ревизионистские грехи не расстреляли, не повесили, не сослали.

Более того, он продолжал участвовать в составлении программных документов и даже был избран от СДПГ депутатом в законодательные органы... Но самое существенное - он принимал участие в составлении новой программы СДПГ в 1921 году, когда партия уже три года находилась у власти, а ее представитель Ф. Эберт был избран первым президентом республики. В программе, принятой на съезде в Герлице, социализм уже рассматривался и как политическая, и как нравственная задача. Фактически это было началом нового видения социализма как общества, в котором реализуются основные ценности - свобода, справедливость, солидарность. В том же ключе стали разрабатываться теоретические основы "этического социализма". Теоретические разработки итальянского антифашиста К. Россели положили начало концепции "либерального социализма", которую позднее развил итальянский теоретик Н. Боббио.

Но еще до Герлицкой программы произошло событие, существенным образом повлиявшее на идентичность социал-демократии. Ноябрьская революция 1918 года поставила социал-демократическую партию перед дилеммой: идти путем создания либо социалистической (к чему уже в первый день революции призвал К. Либкнехт), либо обычной, демократической (о чем в тот же день в рейхстаге объявил Ф. Шейдеман) республики. Большинство согласилось с Шейдеманом, а несогласные пошли за Либкнехтом, который вместе с единомышленниками из группы "Спартак" создал коммунистическую партию. Нечто похожее произошло и в других странах Европы. Так было положено начало формированию широкого европейского, а затем и мирового коммунистического движения.

С точки зрения социал-демократической идентичности это означало, что социал-демократы распростились с революционной риторикой. Отныне они намеревались двигаться в сторону социализма путем реформ, хотя при этом содержание последних толковалось по-разному. Наблюдая за социалистическим экспериментом в СССР, социал-демократы наглядно убедились, к чему ведет существование одной-единственной партии и во что оборачивается обобществление. Отсюда их вывод: если социализм,

то только демократический с непременным соблюдением всех прав и свобод.

В этом социал-демократы еще более укрепились после пережитого в годы Второй мировой войны. Собравшись в 1951 году во Франкфурте-на-Майне, они учредили новую международную организацию, обозначив в названии ее идеологическую направленность - Социалистический Интернационал. В принятом во Франкфурте программном документе "Цели и задачи демократического социализма" были подвергнуты резкой критике политические режимы в СССР и нацистской Германии. И что, на наш взгляд, самое существенное - на первый план было выдвинуто нравственное обоснование социализма в виде основных ценностей.

Среди них центральное место заняла ценность свободы. На первый взгляд - сугубо либеральный принцип. Но, выдвинув его, социал-демократы продемонстрировали, что они не только признают либеральные свободы, но и расширяют их, реализуют в конкретной повседневной жизни, прежде всего в сфере производства. Так было и в периоды, когда они протестовали против детского труда, добивались расширения избирательных прав, равноправия между мужчинами и женщинами, прав рабочих коллективов на предприятиях, доступного среднего и высшего образования. Образно говоря, в истории Европы социал-демократы перехватили у либералов эстафету свободы и понесли ее дальше через весь XX век.

Однако, провозгласив после Второй мировой войны основные ценности демократического социализма, социал-демократы еще не до конца определились в своем отношении к экономике. Можно ли представить социализм без обобществленных средств производства? Английские лейбористы вообще обошлись без каких-либо программ, но в своем уставе четвертым пунктом записали основное требование - обобществление. Их не смущал печальный опыт с последним в Советском Союзе. В условиях демократии, полагали они, обобществление будет функционировать по-иному - на благо всего общества.

Ну а как быть с рыночной экономикой? С частной собственностью? Как все это объяснить избирателю, чтобы заручиться его

поддержкой на выборах? С этой проблемой столкнулись германские социал-демократы, с момента провозглашения ФРГ (1949) уже два раза проигравшие на выборах в бундестаг. Оставаться в роли вечной оппозиции, объявляя себя последовательным приверженцем социализма в момент, когда на Запад от такого социализма бежали восточные немцы?

С учетом этого, а также других обстоятельств германские социал-демократы приняли в 1959 году на съезде в Бад-Годесберге - курортном местечке под Бонном - свою первую послевоенную программу. В ней они признали реальности рыночной экономики, но и обобществление "в тех случаях, когда это необходимо". В Годесберге социал-демократы прощаются с Марксом - он даже не был упомянут в программе, и, наоборот, мысленно вспоминают Бернштейна, записав: социализм - это никогда не прекращающаяся задача пытаться претворять в жизнь в условиях демократии основные ценности - свободу, справедливость, солидарность. Одним словом, движение - все.

Этот идеологический поворот тяжело восприняли в партии. К партийному штабу СДПГ в Бонне подъезжали бывалые члены партии и бросали перед входом партийные книжки. Точно так же тяжело восприняли этот поворот в других европейских партиях социал-демократического толка. Социал-демократическая идентичность оказалась под большим вопросом.

Между тем с годесбергской партийной книжкой в кармане социал-демократы вошли в 1966 году в первую Большую коалицию с христианскими демократами и их министр К. Шиллер с помощью так называемой концертированной акции - читай, методом госрегулирования - помог устранить первые кризисные явления в экономике ФРГ. Для населения это было веским доказательством того, что социал-демократам можно доверять управление государством, и спустя три года, в 1969-м, победив на выборах, социал-демократы уже возглавили правительство в коалиции с либералами. Правительство В. Брандта стало проводить "новую восточную политику", сыгравшую определяющую роль в становлении европейской стабильности и ставшую одной из

главных предпосылок интеграционных процессов, завершившихся созданием Европейского Союза.

Все это способствовало упрочению авторитета германской социал-демократии, и именно немцу Брандту доверили в 1976 году пост президента Социалистического Интернационала. В "брандтовский период" Социинтерна мировая общественность не раз убеждалась в способности социал-демократов брать на себя ответственность за происходящее в мире, в их озабоченности проблемами современности и поисках на них адекватных ответов. Среди их инициатив - создание Комиссии "Север - Юг", разработавшей серию программ, связанных с проблематикой развивающихся стран; они же определили свое отношение к процессам глобализации, подчеркнув, что при определенной стратегии она может и должна носить положительный характер.

Добивались успеха социал-демократы и в других странах. В 1980-е годы они находились у власти в большинстве стран Европейского сообщества или входили в правящие коалиции. Социал-демократическая идентичность не ставилась под сомнение. Примерно в то же время (1983) виднейший теоретик европейского либерализма Р. Дарендорф говорил, что в Европе XX век по своей сути был социал-демократическим. Это нашло свое отражение в функционировании социального государства.

СИТУАЦИЯ НАЧАЛА МЕНЯТЬСЯ на рубеже 1990-х годов. В то время произошли "бархатные" революции в ряде стран Восточной Европы, объединилась Германия, распался Советский Союз, ушло в прошлое блоковое противостояние. Одно из последствий этих процессов - нарастающая критика в адрес непосредственно понятия "социализм" в одних случаях и стремление как бы не подчеркивать приверженность социалистическим идеалам в других.

Ученые из ИНИОН обратили на это внимание, когда в начале 1990-х годов перевели на русский язык Краткий учебник по социал-демократии, написанный одним из ведущих теоретиков СДПГ Т. Манером. Несколько необычным был заголовок книги "Демократический социализм - социальная демократия. Введение". Когда мы поинтересовались причинами двойного названия, от автора последовало такое разъяснение: речь идет об одном и том

же. И демократический социализм, и социальная демократия подразумевают реализацию демократическими методами и в условиях демократии основных ценностей социал-демократии - свободы, справедливости, солидарности.

Однако с точки зрения идентичности социал-демократии у человека, не посвященного в теоретические тонкости, такое раздвоение в объяснении сути, к чему стремится социал-демократическое движение, вызывает недопонимание. Вопрос далекого от политики человека, обращенный к представителю социал-демократической партии, может выглядеть так: "Так вы за социализм в конце концов или как? "

Сегодня такой вопрос уже не может быть задан представителю партии австрийских социал-демократов, кстати, одной из старейших в Европе и известной оригинальными теоретическими подходами, к примеру разработкой теории австромарксизма. Так вот, эта партия, в момент своего становления называвшаяся Социал-демократической, после Второй мировой войны переименовала название - стала Социалистической, а в последнее время вернулась к прежнему названию - Социал-демократическая. В ее последней программе (1998) социализм вообще не упомянут. В первом разделе, озаглавленном "Новые вызовы - новые подходы к решению проблем", записано: "Мы, социал-демократки и социал-демократы, чувствуем себя связанными с идеалами гуманного, демократического и справедливого общества". Что это за идеалы? "Мы стремимся к обществу, в котором преодолены классовые противоречия, в котором проблемы мирно решаются и в котором человеческие личности могут развивать свои способности, будучи освобожденными от страха и нужды". В каком-то смысле это можно считать косвенной перефразировкой с известным положением Манифеста коммунистической партии Маркса и Энгельса: "Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех".

В программе рассматриваются основные ценности социал-демократов и наряду с ценностью "справедливость" упомянута ценность "равенство", чего, кстати, нет в программе германских социал-демократов. И здесь снова повторяется вывод: австрийские

социал-демократы "стремятся к обществу, в котором может развиться себя человеческая личность"(2). Полагаю, многие современные либералы вполне могли бы согласиться с таким выводом.

Но дело ведь не только в терминах, прежде всего - в их содержании. В программе германских социал-демократов, принятой в 2007 году на съезде в Гамбурге, теме демократического социализма посвящен небольшой раздел. Вот как в СДПГ сегодня рассматривается сущность социализма: "Наша история отмечена воздействием идеи демократического социализма - общества свободных и равных, в котором осуществляются наши основные ценности. Эта идея требует такого экономического, государственного и общественного строя, в котором для всех людей гарантированы основные гражданские, политические, социальные и экономические права и все люди могут вести жизнь без эксплуатации, угнетения и насилия, то есть в условиях социальной и человеческой безопасности"(3). Как же отнестись к опыту социалистического строительства, осуществленному в СССР и ряде других стран и чисто словесно перекликавшемуся с тезисами Гамбургской программы? В ней разъясняется: "Конец государственного социализма советского типа не опроверг идеи демократического социализма, а наглядным образом подтвердил ориентацию социал-демократии на основные ценности. Демократический социализм остается для нее представлением о свободном, справедливом, солидарном обществе, осуществление которого является для нас основной задачей"(4). Последний абзац как бы повторяет позицию в данном вопросе Годесбергской программы 1959 года. Но как быть с демократическим социализмом как с конкретным общественным строем, упомянутым в первом абзаце? К примеру, со свободным использованием экономических прав при этом строе? Может ли человек обладать частной собственностью? Вступать в рыночные отношения с другими владельцами частной собственности? Можно ли рассматривать использование наемного труда на частных предприятиях как эксплуатацию? Все эти вопросы сводятся к главному: может ли экономическая система при социализме быть более эффективной, чем рыночная? Пока что убедительного ответа

на этот коренной вопрос не существует. Как правило, все сводится к критике недостатков "турбулентного капитализма", кстати вполне оправданной. Но нет ответа, чем он может быть заменен.

Если судить по дискуссии в СДПГ, проходившей перед принятием Гамбургской программы, обсуждению проблемы демократического социализма уделялось мало внимания. Как представляется, небольшой раздел, посвященный этой теме, помещен по требованию представителей левого крыла партии, особенно ее молодежной организации, которая, заметим, носит название не "молодые социал-демократы", а "молодые социалисты в СДПГ". Эта разница в названиях партии и ее молодежной организации уже указывает на сложность осмысления идентичности даже в рамках одной партии. В этом одна из главных причин, по которым О. Лафонтен покинул пост председателя партии. Удалившись в свой родной Саарбрюккен, он написал книжку с многозначительным названием "Сердце бьется слева". Затем принялся за создание левой партии и обозначил главной целью ее деятельности социализм. Между тем СДПГ, покинутая Лафонтеном, продолжала вырабатывать свои подходы к существующим проблемам сначала в роли правящей партии, затем младшего партнера по Большой коалиции, оставаясь при этом в рамках главного ориентира и главного принципа деятельности, именуемого "социальная демократия".

Но просто ограничиваться ориентацией на нее не могли в первую очередь руководители партий, прорвавшие многолетнее и, казалось, вечное властвование консервативных партий как в Великобритании (18 лет), так и в Германии (16 лет). И Г. Шредер и Т. Блэр смогли добиться успеха на выборах: они поставили вопрос о новой стратегии своих партий, провозглашении новых ориентиров, находящих поддержку у новых социальных групп, обобщенно именуемых "средние слои", или "новая середина". Результатом их деятельности и близкого окружения стал документ "Европа: Третий путь - Новая середина", опубликованный в Лондоне.

Вообще-то, идея "третьего пути" в социал-демократии не нова. В 1920-е годы были распространены суждения о "третьем пути"

социал-демократии между советским коммунизмом и западным капитализмом. В документе Шредера - Блэра суть их подхода изложена в следующем абзаце: "Нам приходится проводить нашу политику в новых, соответствующих сегодняшнему состоянию экономических условиях, при которых государство всеми силами способствует развитию сил экономики, но не считает, что может их заменить. Политика должна улучшить регулирующую функцию рынков, но не мешать их деятельности. Мы поддерживаем рыночную экономику, а не рыночное общество"(5).

Примечательно, что ни инициативу Блэра, названную "новый лейборизм", ни инициативу Шредера не поддержали в их партиях, что свидетельствовало о наличии кризисной ситуации между руководством и партийной базой. Однако волны критики захлестнули и другие партии. Это признал Т. Майер в предисловии к русскому изданию книги "Трансформация социал-демократии. Партии на пути в XXI век". Он писал, в частности: "Судя по состоянию дискуссии на конец столетия, между отдельными социал-демократическими партиями выявились существенные различия в акцентах при их попытках найти новые ответы на проблемы, которые формулируются преимущественно в согласии этих партий друг с другом. В этом одна из причин, по которым "третий путь", отождествляемый многими с позицией британской Лейбористской партии, не нашел общего признания в других партиях и в Социалистическом Интернационале"(6).

Как-то поправить положение попытался английский теоретик Э. Вадденс. В апреле 2001 года он выступил в Берлине, в доме В. Брандта, с докладом "Социальная справедливость в программной дискуссии европейской социал-демократии". Его исходная позиция: с помощью устаревших политических подходов удовлетворить требование социальной справедливости в период фундаментальных перемен затруднительно. В современных обществах необходим новый левоцентристский консенсус(7).

Но и такая аргументация не вызвала широкой поддержки. Блэра вынудили уйти с поста председателя партии. После поражения на выборах в бундестаг в 2005 году вышел из игры Шредер, со временем подключившийся к деятельности в рамках коммерческой

структуры "Северный поток", что не прибавило ему авторитета в рядах собственной партии. А дальше последовала череда поражений на выборах - местных, национальных, европейских. В момент нагрянувшего мирового кризиса влиятельного голоса европейских социал-демократов почти не было слышно. И это при том, что для решения кризисных проблем использовались методы, наработанные именно социал-демократами. Мало кто догадывался о существовании партии европейских социал-демократов, которую, кстати, одни в документах формально называют Европейской социалистической партией, другие - Социал-демократической, что также указывает на разницу в социал-демократической идентичности.

ЧТО ДУМАЮТ О ПРОИСХОДЯЩЕМ сами социал-демократы? Обратимся к журналу австрийских социал-демократов "Zukunft", одно название которого ("Будущее") обязывает пристально взглянуть в него. В первом номере журнала за 2009 год была помещена статья главного редактора Л. Дворака, написанная как раз в таком ключе. Называется она "Последующие 120 лет". Почему 120? Дворак отталкивается от события, происшедшего 120 лет назад: австрийские социал-демократы в местечке Хайнфельд, что в Нижней Австрии, приняли свою программу принципов. Она нашла отклик в других партиях, несколько месяцев спустя (14 июля 1889 года), собравшихся в Париже и создавших свою международную организацию, назвав ее Вторым Интернационалом. Оглядываясь на события, Дворак приходит к выводу: "За последние два с половиной десятилетия социал-демократия в значительной степени утратила свою общественную гегемонию". И в другом месте: "Не только в Австрии социал-демократия показывает отрицательные рекорды по результатам выборов. За последние годы не только здесь (в Австрии) она далеко не восторгает людей своей правительственной деятельностью"(8). В чем же суть? Социал-демократам и профсоюзам в свое время удавалось увязывать политическое и общественное видение (Vision) с конкретной политикой. Вот и теперь мероприятия, которые они стараются провести, должны способствовать конкретному улучшению жизни людей, но одновременно быть

частью проекта формирования общества, гуманизации нашей планеты. Дворак приводит высказывание Ж. Жореса: надо сохранять не пепел, а пламя.

Оглядываясь на историю, первый напоминает, что в Венской программе 1958 года говорилось о социалистическом экономическом планировании на пути к демократическому социализму. Но вот в программе 1978 года успехи государства благосостояния уже увязывались с видением всеохватывающей "социальной демократии". Чем вызвана такая перемена, Дворак не поясняет.

Сегодня, констатирует главный редактор журнала "Zukunft", социал-демократам трудно назвать видение, которым они руководствуются в повседневной деятельности. И это не случайно. Когда в конце 1990-х годов лозунг "третьего пути" рекомендовался как "новое" программное направление, обнаружилось, что следование именно такой программатике приводит к неразрешимому противоречию с собственными сторонниками. В результате все завершилось кризисом, в котором сегодня продолжает находиться европейская социал-демократия.

Но что в такой ситуации делать? Вот вывод Дворака: "Сила социал-демократии в последние 120 лет, вне сомнения, заключалась в том, что значительную часть этого времени она последовательно действовала в интересах преобладающего числа людей. Взгляд на историю показывает, что и в будущем ее задача состоит в том, чтобы снова обрести эту роль"(9).

Обратимся теперь к журналу германской социал-демократии с не менее многозначительным названием "Neue Gesellschaft" ("Новое общество"), которым в настоящее время руководит Т. Майер. Вполне понятно, что в СДПГ крайне озабочены результатами выборов в бундестаг 27 сентября 2009 года. Этой проблеме посвящен ноябрьский номер журнала за прошлый год. Тема обозначена на титульной обложке предельно кратко: "СДПГ - куда? ".

Но разговор идет не только о германской, а - более широко - о судьбах европейской социал-демократии. Причем разговор предельно критичен. Употребляются такие выражения, как "европейская катастрофа", "СДПГ на краю пропасти". Статья о социалистических партиях названа: "Левые реформаторы во Франции и Италии - якобы мертвые или уже мертвые?". Статья о голландских социал-демократах названа еще резче: "Покончить с красным убожеством".

В разговоре на страницах журнала приняли участие в основном ученые, высказавшие разные точки зрения, представители различных фондов. Одна из таких точек зрения - необходим визионерский прагматизм. То есть сторонники социал-демократии должны иметь представление о неких воодушевляющих идеях в сочетании с решением конкретных практических задач. Какие же это идеи? В статье К. Харпрехта с красноречивым названием "СДПГ Вилли Брандта - существует ли еще она?" речь идет о европейской модели социального, экологического и демократического капитализма. Социализм как таковой вообще ни в одной из статей не упомянут. Даже представитель Фонда Розы Люксембург, поставив вопрос о "необходимости новых отношений власти и собственности путем социализации инвестиционных функций"(10), не посчитал нужным отметить, что это требование находится в русле социалистических преобразований.

Основной разговор вращался вокруг социальной базы так называемой Середины, и речь шла о качестве причин, толкающих представителей этой социальной группы в сторону левой, или консервативной, ориентации, и способе привлечения ее на сторону социал-демократии. Майер в своей статье повторил уже не раз высказанную им мысль о необходимости союзаевой Середины и нижних социальных слоев как перспективной базы социал-демократии.

Лично мне представляется заслуживающим особого внимания соображение Майера, будто на протяжении многих лет в общественном мнении социал-демократия представала как социальная совесть общества. Исходили из такого факта: при всех обстоятельствах в этом движении есть люди, постоянно

озабоченные социальными проблемами. Шаги социал-демократов, направленные на модернизацию общества, включая и пересмотр сложившихся установок социального государства, вызвали среди населения опасения, что теперь на эту партию рассчитывать вряд ли придется. Сыграло свою роль и другое обстоятельство: наблюдается некоторое сближение социальной политики социал-демократических и консервативных партий. В 2009 году исполнилось 50 лет со дня принятия Годесбергской программы. Статья Майера так и называется: "50 лет Годесберга: куда же теперь СДПГ?". Однако, кроме упоминания, что в Годесбергской программе СДПГ объявила себя народной партией, другие теоретические аспекты Годесберга, крайне актуальные сегодня, в статье не рассматриваются. В целом читатель, ознакомившись со статьями журнала "Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte", так и не мог составить мнение: каким же видением, какими вдохновляющими идеями надлежит руководствоваться социал-демократии, если она намерена сохранить свою неповторимую идентичность?

Разговор о судьбах социал-демократии развернулся и в Интернете. Фонд Фридриха Эберта совместно с "Социальным европейским журналом" ("Social Europe Journal") и британской организацией "Think-Tank Compass" начали дискуссию на тему "Хорошее общество"(11). Такого рода дискуссия впервые проводится в европейских масштабах. Предполагается, что в ней примут участие свыше 70 ведущих ученых, политиков и активных деятелей партий. Обозначение темы "Хорошее общество" не имеет идеологической окраски. Любое политическое движение заверяет своих сторонников, что именно оно стремится к самому хорошему обществу. По первым комментариям в Интернете пока рано судить, в каком направлении развернется дискуссия. В любом случае с точки зрения определения новой идентичности социал-демократии представляется целесообразным рассмотреть несколько главных вопросов.

В 1978 году Фонд Фридриха Эберта опубликовал сборник программ германской социал-демократии. Краткое предисловие написал В. Брандт. В нем он заметил, что почти все прошедшее время СДПГ "теоретизировала по Каутскому, а реально

действовала по Бернштейну"(12). И только с принятием Годесбергской программы 1959 года дела и теоретические слова партии стали совпадать. Принципиально важно, чтобы и сегодня "новые Бернштейны" смогли преодолеть сложившиеся идеологические догматы и предложить стратегию, трезво оценивающую совокупность все более осложняющихся проблем. Теоретические поиски Блэра и Шредера в партиях не приняли. Но ведь это были серьезные попытки разобраться в новых сложных реальностях. Кто следующий?

В начале разразившегося мирового кризиса в конце 1920-х и начале 1930-х годов видный германский профсоюзный деятель Ф. Нафтали заметил: в сложившейся ситуации социал-демократия играет роль врача у постели больного капитализма. Советские пропагандисты ухватились за это высказывание и много лет использовали его в поддержку утверждения, будто, мол, социал-демократы своей деятельностью интегрированы в капитализм и тем самым предают интересы рабочего класса.

Сегодняшний мировой кризис поставил социал-демократов перед тем же вопросом: намерена ли она и дальше "лечить" капитализм в его современном виде? Если да, то как? Если нет, то что реально предлагается взамен? Сторонники социал-демократии по любому из вариантов должны иметь убедительный ответ. Один из них и содержится в брошюре "Хороший капитализм"(13).

Примечательно, что идея "хорошего капитализма" все больше занимает сторонников умеренно-левой ориентации. В таком духе высказывается один из авторитетных мыслителей леволиберальной ориентации философ Ю. Хабермас. С его представлениями на этот счет могли ознакомиться российские читатели в интервью, так и озаглавленном: "Насущная политическая задача состоит в том, чтобы приручить капитализм"(14). Заметим: этим "приручением" социал-демократия занималась весь XX век. Так что мысль, высказанная Хабермасом, далеко не нова.

Что в конце концов должно вдохновлять социал-демократов? Какое "видение"? Перспектива социализма? Социальной демократии?

"Третьего пути"? Какое "пламя воодушевления", прибегая к образу Жореса, должны определять поступки сторонников социал-демократии сегодня, включая ее руководство? В чем смысл социал-демократической солидарности? В рамках партии? В отношениях между партиями? На общемировом уровне? В рамках ее международной организации?

Часто приводят высказывание Р. Дарендорфа относительно роли социал-демократии в XX веке. Но обычно не цитируют продолжение его, согласно которому социал-демократия, выполнив социальную роль в XX веке, в следующем сойдет со сцены, исчерпав свое предназначение. На это серьезное предостережение должны быть найдены серьезные ответы. В той или иной степени социальное государство стало ныне общим явлением - как общими оказались и либеральные принципы, разработанные еще в XIX веке.

Из анализа видно, что европейская социал-демократия переживает трудные, если не сказать критические, времена. Но на моей памяти ее хоронили неоднократно, а она всякий раз оживала и даже приходила к власти в большинстве стран Европы, о чем ее предвзятые могильщики предпочитали помалкивать. Причина такой живучести вот в чем: она отвечает потребностям общества. В условиях жестких реалий рыночной экономики социал-демократия брала на себя непростую роль - обеспечивать динамизм экономики и одновременно стараться решать возникающие социальные проблемы, создавать в обществе обстановку гуманной солидарности. На фоне нарастающей глобализации, прежде всего в области экономики, затрагивающей все мировое сообщество, выстраивать гармоничный баланс между экономической эффективностью и развитой социальностью становится все труднее. Здесь нужны и широкая поддержка снизу, и значительный приток в социал-демократическое движение интеллектуальных сил, способных предлагать решение уже на уровне экономической, социальной и экологической "высшей математики".

Как все будет обстоять на самом деле, покажет время. Но очевидно одно: мировое сообщество, оказавшись в условиях нарастающей глобализации, нуждается в таком подходе. Стихийными

демонстрациями со стучением ложками по пустым кастрюлькам тут не обойдешься. Необходимо соединение мощного интеллектуального потенциала с идеей, воодушевляющей и объединяющей широкие слои населения всей планеты. Точно так же, как жителей США воодушевляет "американская мечта", хотя никто толком не знает, что это такое, - нужна некая "планетарная мечта". В свое время на эту роль претендовала социалистическая идея. Понаблюдав, как она претворялась в жизнь в странах бывшего Восточного блока, европейские социал-демократы фактически отказались от нее, не объявив об этом официально. Но что взамен? Вопрос открытый. Одним призывом к "хорошему капитализму" не обойтись.

ОРЛОВ Борис Сергеевич - главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор исторических наук.

1 Е. В. Ананьева. Политический кризис после политического кризиса: Материалы конференции. Институт Европы РАН. 17.06.2009. - "Европа после кризиса". М" 2009. С. 83.

2 "SPD. Das Grundsatzprogramm". Wien, 1998. S. 2-3.

3 "Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beschlossen am 28. Oktober 2007 auf dem Parteitag in Hamburg". - "Extra Vorwärts". 2007. November. S. 5.

4 Ibid.

5 T. Blair, G. Schroder. Europe: The Third Way. - Die neue Mitte. L, 1999.

6 Т. Майер. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. М., 2000. С. 269.

7 См. А. Giddens. Soziale Gerechtigkeit in der Programmdebatte der europaischen Sozialdemokratie. - <http://www/spd.de/events/grundwerte/giddens/html>

8 L Dvorak. Die nachsten 120 Jahre. - "Zukunft" (Wien). 2009. N 1. S. 5, 6.

9 Ibid. S.7.

10 M. Brie. Linke Mehrheiten gibt es nicht. Sie miissen geschaffen warden! - "Neue Gesellschaft/ Frankfurter Hefte" (Bonn). 2009. N U.S.46.

11 См. <http://222.godsociety.Social-europe/eu>

12 См. "Programme der deutschen Sozialdemokratie". - "Mit einem Vorwort von Willy Brandt". Bonn, 1978.

13 См. S. Dullien, H. Hers, Ch. Kel-lermann. Der gute Kapitalismus und was sich dafiir nach der Krise andern musste. Berlin, 2009.

14 См. "Новая газета". 14.12.2009.